

A black and white photograph of a pocket watch with a chain and a pen. The watch is open, showing its internal mechanical movement. The chain is attached to the top of the watch. A pen is lying diagonally across the bottom left of the watch. The background is black.

ХРОНОМЕТР

Издание группы авторов под
редакцией Сергея Ходосевича

Сергей Ходосевич

**Хронометр. Издание
группы авторов под
редакцией Сергея Ходосевича**

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Хронометр. Издание группы авторов под редакцией Сергея Ходосевича / С. Ходосевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933801-3

Поэтические страницы «Хроно». В сентябрьском выпуске «Хронометр» мы хотим познакомить вас с творчеством открытой группы «ВКонтакте», которая зародилась совсем недавно и объединила творческих людей различного направления. Поскольку наш первый выпуск приходится на первый осенний месяц, то мы и открываем его с откровенных посвящений этому прекрасному времени года. Елена Мельниченко, Марина Листок и Анастасия Кравцова, Светлана Вольхина — активные участники.

ISBN 978-5-44-933801-3

© Ходосевич С.
© Издательские решения

Содержание

Артемий Волынский	10
Лена Шоломицкая	13
Игорь Бушуев	14
Светлана Вольхина	15
Марина Листок	16
Стеклянные глаза	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Хронометр

Издание группы авторов под редакцией Сергея Ходосевича

Авторы: Ходосевич Сергей, Маргарян Никита, Бушуев Игорь, Мельниченко Елена, Волынский Артемий, Листок Марина, Левин Даниил, Тимофеева Аня, Шоломицкая Елена, Кравцова Анастасия, Клементьева Татьяна, Вольхина Светлана, Валеев Марат, Казаков Дмитрий, Иванов Олег

Художник Никита Маргарян

Художник Даниил Левин

Редактор Сергей Ходосевич

© Сергей Ходосевич, 2018

© Никита Маргарян, 2018

© Игорь Бушуев, 2018

© Елена Мельниченко, 2018

© Артемий Волынский, 2018

© Марина Листок, 2018

© Даниил Левин, 2018

© Аня Тимофеева, 2018

© Елена Шоломицкая, 2018

© Анастасия Кравцова, 2018

© Татьяна Клементьева, 2018

© Светлана Вольхина, 2018

© Марат Валеев, 2018

© Дмитрий Казаков, 2018

© Олег Иванов, 2018

ISBN 978-5-4493-3801-3

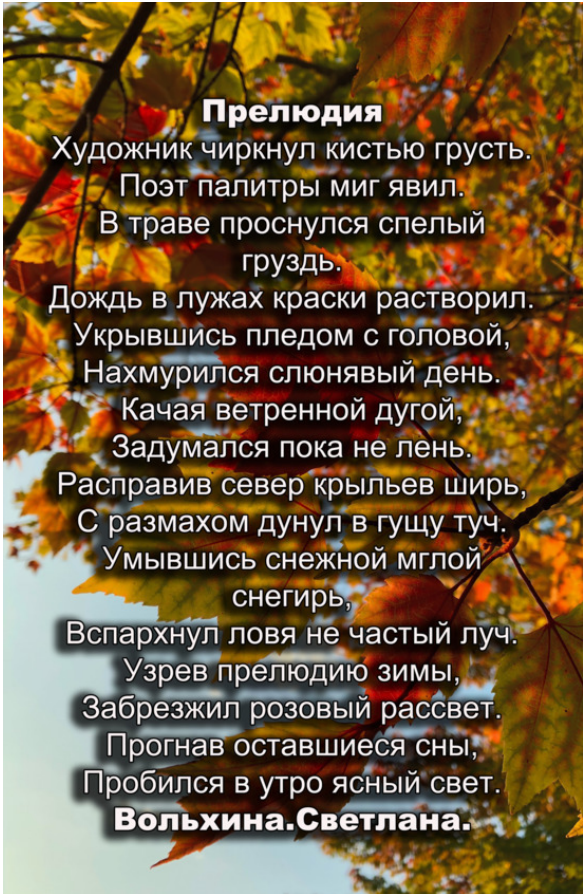
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэтические страницы « **Хроно**» В сентябрьском выпуске «Хронометр» мы хотим познакомить вас с творчеством открытой группы «В Контакте», которая зародилась совсем недавно и объединила творческих людей различного направления. Поскольку наш первый выпуск приходится на первый осенний месяц, то мы и открываем его с откровенных посвящений этому прекрасному времени года. Елена Мельниченко, Марина Листок и Анастасия Кравцова, Светлана Вольхина- активные участники группы, а также создатель этой группы и составитель данного издания Сергей Ходосевич представляют вам свои осенние поэтические этюды, прославляющие» рыжую колдунью- Осень»

После чего на эту и другие темы, кроме уже вышеназванных авторов наш читатель сможет познакомиться с творчеством поэтов Артемием Волынским, Игорем Бушуевым и юной участницей « Наше оружие – слово»

Аней Трофимовой и великолепными Еленой Шоломицкой и Татьяной Клементьевой.

Прелюдия

Художник чиркнул кистью грусть.

Поэт палитры миг явил.

В траве проснулся спелый
груздь.

Дождь в лужах краски растворил.

Укрывшись пледом с головой,

Нахмурился слюнявый день.

Качая ветренной дугой,

Задумался пока не лень.

Расправив север крыльев ширь,

С размахом дунул в гущу туч.

Умывшись снежной мглой
снегирь,

Вспархнул ловя не частый луч.

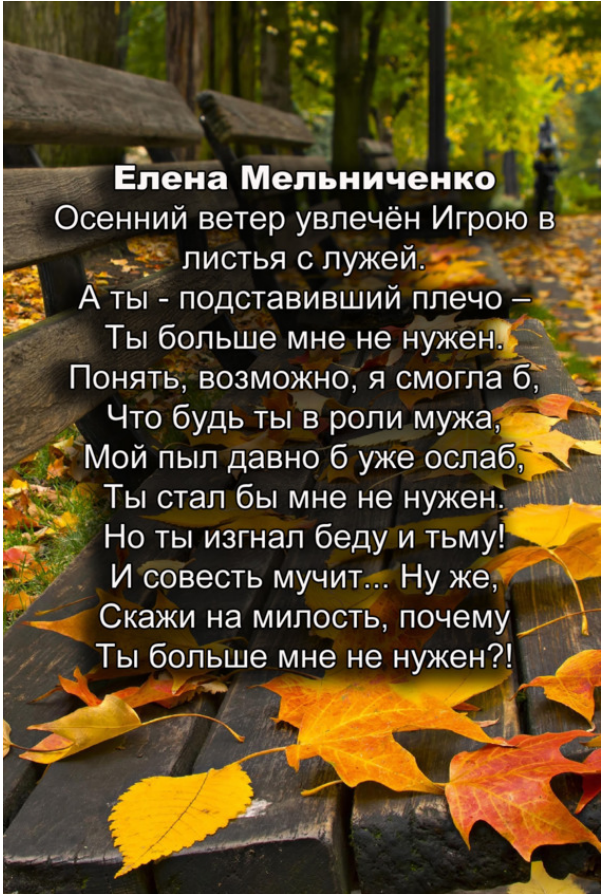
Узрев прелюдию зимы,

Забрезжил розовый рассвет.

Прогнав оставшиеся сны,

Пробился в утро ясный свет.

Вольхина. Светлана.

Елена Мельниченко

Осенний ветер увлечён Игрою в
листья с лужей.

А ты - подставивший плечо –

Ты больше мне не нужен.

Понять, возможно, я смогла б,

Что будь ты в роли мужа,

Мой пыл давно б уже ослаб,

Ты стал бы мне не нужен.

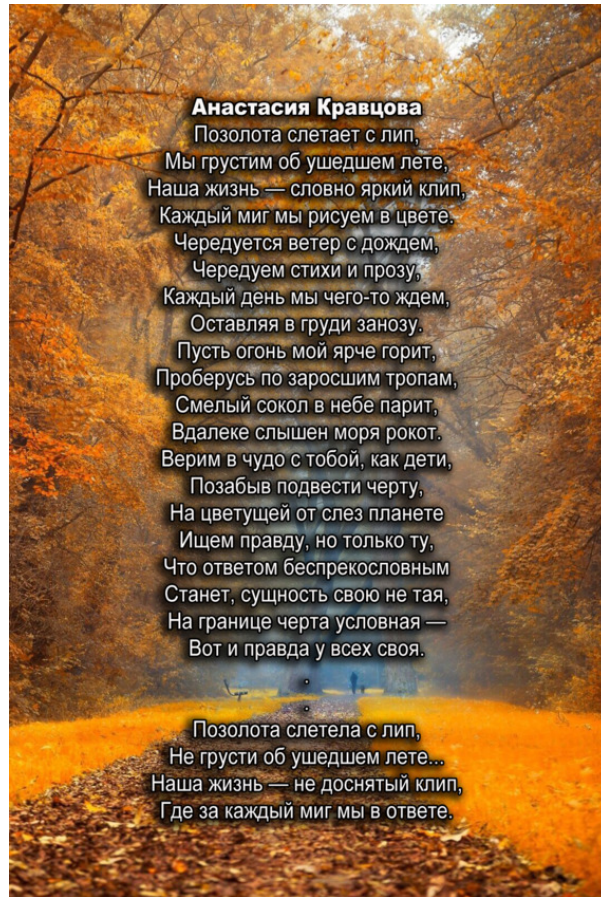
Но ты изгнал беду и тьму!

И совесть мучит... Ну же,

Скажи на милость, почему

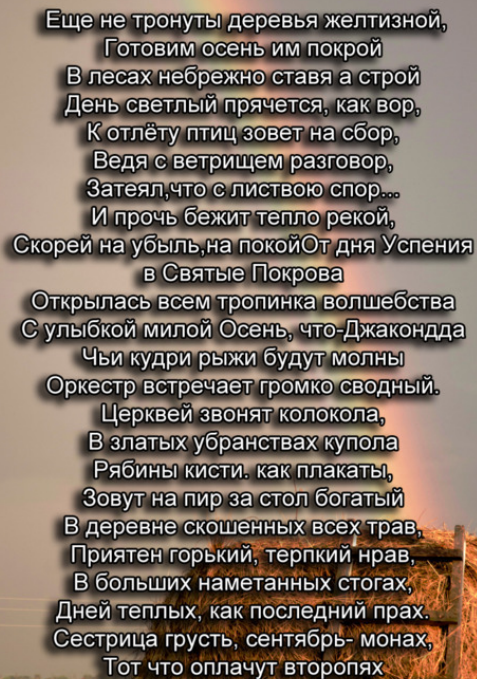
Ты больше мне не нужен?!

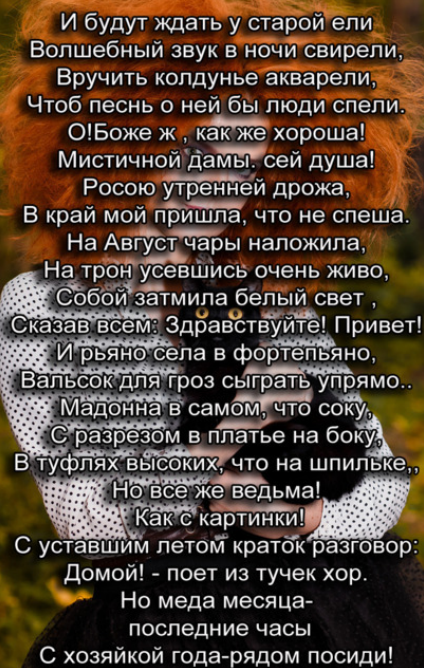

Сергей Ходосевич

Еще не тронуты деревья желтизной,
Готовим осень им покрой
В лесах небрежно ставя а строй
День светлый прячется, как вор,
К отлёту птиц зовет на сбор,
Ведя с ветрищем разговор,
Затеял, что с листвою спор...
И прочь бежит тепло рекой,
Скорей на убыль, на покой
От дня Успения
в Святые Покрова
Открылась всем тропинка волшебства
С улыбкой милой Осень, что-Джакондда
Чьи кудри рыжи будут молны
Оркестр встречает громко сводный.
Церквей звонят колокола,
В златых убранствах купола
Рябины кисти, как плакаты,
Зовут на пир за стол богатый
В деревне скошенных всех трав,
Приятен горький, терпкий нрав,
В больших наметанных стогах,
Дней теплых, как последний прах.
Сестрица грусть, сентябрь- монах,
Тот что оплачут второпях

И будут ждать у старой ели
Волшебный звук в ночи свирели,
Вручить колдунье акварели,
Чтоб песнь о ней бы люди спели.
О! Боже ж, как же хороша!
Мистичной дамы, сей душа!
Росою утренней дрожа,
В край мой пришла, что не спеша.
На Август чары наложила,
На трон усевшись очень живо,
Собой затмила белый свет,
Сказав всем: Здравствуйте! Привет!
И рьяно села в фортепьяно,
Вальсок для гроз сыграть упрямо..
Мадонна в самом, что соку,
С разрезом в платье на боку,
В туфлях высоких, что на шпильке..
Но все же ведьма!
Как с картинки!
С уставшим летом краток разговор:
Домой! - поет из тучек хор.
Но меда месяца-
последние часы
С хозяйкой года-рядом посиди!

Артемий Волынский

Куда мы катимся? Скажи дружище!
Куда идет весь наш народ?
В глухую пропасть или еще ниже
Где человечность, ведь не живёт.

А помнишь? Мы друг друга называли,
В те недалёкие времена —
«Товарищем», «сестрой» и даже «братом»,
А теперь — «ублюдки», «господа».

Но, что за время нас так постигает?
Вокруг царит лишь война и зло.
Над нами снова также управляет
Необуржуазное звено.

И разве это жизнь? -Поймите люди!
Что жить, так как мы живём — нельзя.
Бороться надо, всем нам крепко, дружно,
Чтобы навсегда извлечь врага.

Не станем мы терпеть позора,
Не станем падать и всё вздыхать.
Поднимемся повыше к небосводам,
Поднимемся, чтоб страну поднять.

Да очищать её от всякой грязи,

Что загрязняет весь наш простор.
И продаёт страну еще за «баксы»,
Бандитизму не дав отпор.

Так страшатся пусть бывшие бранью,
И вспомнят, что людям нелегко.
Не за копейки, брошенные в шапки,
А за то, чтоб было – ХОРОШО!!!

2003

Нулевой Гражданин

Куда ни плюнь, куда ни глянь —
Из нор бушует, льётся дрянь...
Насыщен шлаком твой экран —
Он – есть твой мир, он – есть твой Рай!
Прочти в газетах все статьи,
Сдави слюной, давай, глотни!
Запей палёным шмурдяком —
Ты Гражданином, будь готов!

Несись, подайся в беглецы!
Без смысла будь как мертвецы...
Не вздумай только говорить,
Побойся Бога! – Царь велит.
И всё, что есть церквям дай Дань,
Хоть в них нет веры – только срань!
Разбей об кафель там свой лоб —
Ты Гражданином, будь готов!

А жизнь то что?.. Совсем херня.
С рожденья вовсе не твоя!
И если надо – взымат долг,
Вести не стоит с ними торг!
Забей на принципы свои,
И коль война – туда беги!
У них в ней важный есть резон —

Ты просто трупом, стань готов!

Продай себя и свою честь,
За блеск, красоты, чтобы есть...
Щадить не надо, не скупись!
А хочешь кайфа? На, колись!
Отбрось научные умы,
Они, тем более – не нужны!
Оттрахай психику вдогон —
Ты Гражданином, будь готов!

Отдай десяток лишних лет,
Затем сойди совсем на нет.
В прах смрадный быстро превратись,
А после снова возродись!
Поставят штампы номер Ноль,
Шаблоном выстроят вдоль.
Запрограммируют, итог —
Ты Гражданином, стать готов!

Куда ни плюнь, куда ни глянь —
Из нор тотально зреет дрянь...
Насыщен шлаком твой экран —
Он – есть твой мир, он – есть твой Рай!

2018

Лена Шоломицкая

***

За тобой сквозь ветер на Харлее...
Лунный свет скользит по пустоте...
Скоростью и страстью я пьянею,
Растворяясь где-то в высоте.

Я никто. Никак меня не звали.
Кажется, со мной роднилась ночь.
По бокалам разолью печали,
Жизнь сама меня уносит прочь.

В пену режем воду на асфальте,
Ветер мне нещадно косу рвёт.
Годы и мгновения, прощайте!
Неизвестность бурная нас ждет

Игорь Бушуев

Ты и я
Мы сотканы с тобой из вешних трав,
Ты тенью снов скользишь по кромке леса,
Я шелест ветра, белый шум дубрав,
Лесной колдун, и ветренный повеса.
Но если ты ручей, а голос твой песок
Насыпь мне горсть цветных воспоминаний,
Где я и ты на дне очей и строк,
Где ты и я на небесах желаний.
Там вместе с солнцем золотится день,
На луч нанизан утренний проказник.
Летит к цветку, гудит мохнатый шмель,
Цветёт сирень, в душе и сердце праздник!

Светлана Вольхина

Природы созерцание
Природы созерцание
.Звезд яркое сияние.
Луна глядит печально
В озерное окно.
Тишь, лист не шелохнется.
Трава не шевельнется.
Перед грозой бывает
Такое торжество.
Бескрайние просторы,
Поля и косогоры,
Укрывшись света шалью,
Все впало в забытье.
Все замерло на время,
Остановив мгновенья.
Да, здравствует прекрасное
Природы волшебство!

Марина Листок

Список на зеленом листе
У меня есть список
На зеленом листе,
Там друзья, дела
И погода,
Что приносит покой
И бальзам душе.
В этом списке нет
Времени года.
Собираю туда
Я свои мечты,
С голубой каёмочкой
Мысли,
Если будешь простужен,
Ко мне приди,
Поделюсь теплотой
Улыбки.
Не пускаю лишь пустоту
Сюда,
И людей языки злые.
Пусть хоть лоб разобьют,
Не открою я
Зарисовки свои
Простые.
Не сужу других!
Это их тропа.
И ошибок их переписка.
Отряхну песок,
Подниму глаза,
Просто вычеркну их
Из списка!

Арабески

Узора сложного вплетения в узор.
В них геометрия пленит арабской вязью.
Прекрасен, невозможно, каждый элемент.
К пустым местам не излечим боязнью*.
Так расписав историю племен,
Традиции, падения и взлеты,
Рисунки с неизведанных времен
Служили памятью великому народу.

Звучит волшебно – арабески.
Волнительные образы и гамма чувств.
В разгадке тайны пролетают вехи.
В законах математики здесь ключ.
А арабески в танце, легкость па,
Застывшие в полете балерины.
Вот к зрителю лицом. Напряжена.
Рожденным образом
Невзгоды сокрушимы.

Аня Тимофеева

Помни мой друг!
Помни мой друг жить на свете не просто!
Но ты не грусти!
И не вешай нос!
И даже если в жизни все плохо!
Ты улыбайся!
И иди вперед!

Осенний дождь!
Осенний дождь стучит в моё окно!
И так печально ведает мне о своей судьбе!
Ты не грусти!
Дождик не грусти!
И ты поверь время оно лечит...!

Татьяна Клементьева

Дети солнца

Солнце расцветает,
Свет, собравшись в стаю,
Будит наши души.

Лепестки алеют,
Гонят тень с аллеи,
Сны лучами душат.

Что б тебе не снилось,
Прояви немилость.
Прогони дремоту.
Мы уже проснулись,
В красных венах улиц
Гоним на работу.

Опоздать не сложно,
Кофе с наглой рожей
На рабочем месте.
За окном лучится.
Тучи в хмурых лицах,
И прогноз известен.

Ослеплен, расслаблен,
Кое-как доставлен
С красными глазами.
В каждом будто солнце,
След единоборства.
Сдали с потрохами.

Не соврёшь, не скажешь,
Что был где-то важен,
Нужен, хоть убейся.
Вновь с луною в сцепке
Выпил ночи крепко
Из ковша-созвездья.

Ночь всегда короче,
Но ругаем солнце,
Что спешит, зараза.
Только лёг под звёзды,
Высыпаться поздно,
Подниматься сразу.

И светило рдеет,
За всех нас краснеет,
Непослушных деток.
Мы решаем сами,
Сами нарушаем.
Стая малосветок.

Елена Мельниченко

Осенний ветер увлечён
Игрою в листья с лужей.
А ты – подставивший плечо —
Ты больше мне не нужен.
Понять, возможно, я смогла б,
Что будь ты в роли мужа,
Мой пыл давно б уже ослаб,
Ты стал бы мне не нужен.
Но ты изгнал беду и тьму!
И совесть мучит... Ну же,
Скажи на милость, почему
Ты больше мне не нужен?!

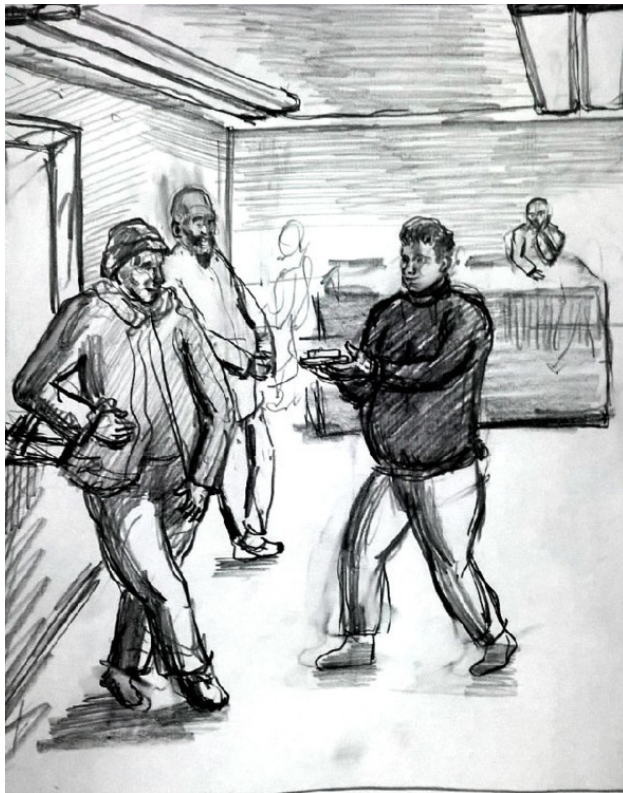

Короткая проза «**Хроно**»

Величайшим мастером этого жанра был русский гений А.П.Чехов. Сколько всего было им сказано и обличает в его юмористических и драматических сюжетах о судьбе маленького человека.

В нашей группе в ВК тоже есть признанные мастера. В этом выпуске мы представляем вам двух наших лучших авторов Марата Валеева и Елену Мельниченко.

МАРАТ ВАЛЕЕВ

Ломоть хлеба с салом

Погода в нашу вторую смену сегодня выдалась морозной, на Первом полигоне завода ЖБИ все густо парило: и самосвалы, подвозящие бетон, и сам бетон, не успевший остыть после подвоза его с бетонного узла. А запарочные камеры, куда устанавливались заливаемые бетоном марки 100 формы под фундаментные блоки СП, так те вообще были покрыты густо клубящимся белым паром, поэтому приходилось даже включать дополнительные прожектора, чтобы крановщица, белокурая Люся, которую сегодня вообще было не разглядеть на ее верхотуре, без промашки подавала «туфлю» с бетоном прямо к рукам бетонщика пятого разряда дяди Вани Тучкова. Он хватал этими руками в верхонках поверх теплых рукавиц за отполированную до блеска рукоятку замка «туфли», сипло кричал Люсе наверх: «Еще чуток на меня!» и, широко расставив ноги в серых валенках по краям маслянисто поблескивающих ячеек стальной формы, с коротким хеканьем дергал рукоятку замка на себя и вниз. Жидкий бетон серой лентой с шумом устремлялся в форму, дробно стучал по ее стенкам мелкой щебенкой. Дядя Ваня затем на несколько секунд включал прикрепленный к туфле вибратор, и тот начинал с сердитым гулом мелко-мелко трясти туфлю, вытряхивая из нее остатки бетона. Тут за дело брался я, семнадцатилетний бетонщик пока третьего разряда: с чмоканьем погружал в серую массу ручной вибратор весом с полпуда, включал его и, держась за рукоятку, уплотнял этим зудящим, старающимся вырваться из моих рук механизмом расползающийся по ячейкам формы бетон. Наш бугор, по совместительству мой дядя Равиль (его называли на русский манер почему-то Саша) в это время армировал деревянные формы для колонн, периодически сверкая голубым огоньком электросварки. Это была сложная работа, и занимался ею только он сам. Но вот все три тонны бетона разлиты по формам, утрамбованы и разглажены сверху до блеска, из них торчат свежешустановленные петли из толстой проволоки для выемки краном после того, как блоки будут сутки пропарены и готовы к отправке на стройки краснотурьинских объектов. На полигоне стало тихо и можно перекурить в просторной столярке, где готовятся деревянные детали для опалубки форм. Здесь можно погреться – пощелкивающие трубы парового отопления всегда держат в столярке высокую температуру, – перекусить, у кого что есть с собой,

поиграть в теннис. Сухо стучащим пластмассовым белым шариком сразу же стали перекидываться через сетку стропальщик Коля Овсянников и электрик Юрий Шервуд. А мы с дядей сидели – он на лавке, я на широком подоконнике, – и с наслаждением курили и отогревались. И тут даже через табачный дым мои ноздри защекотал знакомый дразнящий аромат – чеснока, укропа и еще чего-то невероятно вкусного и сытного. Сало! Это было сало домашнего посола. Его, небольшой такой, но толстенький брусок, пошуршав газетой, разложил у себя на верстаке столяр Михаил Колодный и стал нарезать большим складным ножом на аккуратные белые, чуть-чуть розоватые пластинки. Мне до конца вечерней смены оставалось часа полтора – несовершеннолетнему, по КЗоТу разрешалось работать только до десяти вечера, смена при этом у меня начиналась в три часа дня, в то время как вся «взрослая бригада» подтягивалась к пяти. И вроде бы перед выездом на завод я неплохо пообедал в столовой рядом с нашей общагой, но довольно тяжелая работа на морозе быстро сжигала все калории и потому я был уже зверски голоден. Дома, в общежитской комнате, меня, в лучшем случае, ждала припасенная на ужин банка кильки с полбулкой хлеба. А в худшем, если жившие сомной еще двое парней затеяли выпивку без меня, то нашли эту несчастную кильку в моей тумбочке и уже сожрали ее. А тут этот невозможно аппетитный, прямо с ума сводящий запах. И без того тогда плоский мой живот тут же свело от голодных спазмов, он самым бессовестным образом громко заурчал и прилип к позвоночнику, показывая хозяину что пора бы и того... что-нибудь кинуть в него существенного. Я поспешно затынулся «примой» и с деланным равнодушием отвернулся к промерзшему окну, за которым стояла трескучая морозная уральская ночь, и туманную темень её с трудом рассеивали мощные светильники и прожектора, которыми был утыкан наш первый полигон со всех углов и с крыши столярки. Мне вдруг, ну совсем некстати, вспомнились мамины горячие и румяные пирожки с картошкой и жареным луком, которые я так любил запивать холодным вкусным молоком. Желудок мой вовсе взбесился, застонал и стал вгрызаться в позвоночник. – На, Марат, перекуси, – услышал я вдруг участливый голос столяра дяди Миши и живо обернулся. Он принес мне ломоть хлеба с выложенным поверху солидным пластом сала, дразнящий аромат которого поблизости и вовсе оказался сумасшедшим! – Теща из деревни гостинец прислала, – пояснил Михаил Колодный, обращаясь не столько ко мне, сколько ко всем отогревающимся в столярке членам бригады. – Кабаняку они закололи, аж на полтора центнера весом. Сала на нем, слышь – с ладонь толщиной! Вот и передали нам килограмма три. Никто так не умеет солить сало, как мои тесть с тещей. На вот, ешь, наберайся сил. Я, для солидности выдержав секундную паузу, положил на подоконник недокуренную сигарету и, вытерев правую ладонь о ватные штаны, бережно принял этот сельский бутерброд, поднес ко рту. Сало не стало сопротивляться натиску моих молодых нетерпеливых зубов и легко откусилось вместе с хлебом. Мой язык, мое небо тут же ощутили божественный вкус этой жирной, в меру просоленной и начесноченной массы, пропитанной ароматом лаврушки, сохранившего летний запах укропа, перца и еще какой-то специи – сейчас я понимаю, что это был тмин. Все это создавало непередаваемый вкусовой букет, вызывающий мощную реакцию слюнных желез. Прижмуриив глаза от удовольствия, я проглотил первую порцию этого деликатеса и только тут обратил внимание, что в столярке стояла тишина, нарушаемая лишь пощелкиванием пара в трубах парового отопления: оказывается, дядя Миша уже успел раздать бутерброды с салом всем, кто был в столярке (с ним – человек пять-шесть), и все дружно уплетали их, в том числе и наш бригадир, мой дядя Равиль-абый... Все, все, на этом прекращаю дразнить тех, кто на диете и тех, кто вообще не ест сала. К последним вроде бы должен относиться и сам автор текста. Но я, татарин, выросший среди русских, можно сказать, с детских лет познал вкус свинины. В прииртышском селе Пятерыжск, где мы поселились после переезда из Татарстана, практически не было такой семьи, в которой бы не содержали свиней. Всеядность этих животных, облегчающих проблему кормления, быстрый рост (начав откорм поросят с ранней весны, к началу зимы уже получаешь взрослых, весом нередко за сто кило, свиней), хорошие гастро-

номические свойства мяса и сала – это те плюсы, которые издавна подвигают сельчан на занятие домашним свиноводством. Глядя на русских (украинцев, немцев, белорусов и т. д.) и оценив выгоды разведения свиней, с годами это дело стали с охотой осваивать и «басурманы», живущие среди славян. У нас в подворье была полная толерантность в отношении ассортимента домашних животных: в закутках блеяли овцы и мемекали козы, мычали коровы и телята, мирно похрюкивали в своем свинарнике пухнувшие, как на дрожжах, поросята, я уж не говорю о курах и утках. Летом мясо нам на стол «поставляли» куры и изредка – овцы, телят обычно выращивали на сдачу в заготскот и это приносило ощутимую прибавку в семейный бюджет. Ну, а запасы мяса на зиму давали именно свиньи. В 50—60-е холодильников у сельчан не было, поэтому свинина замораживалась в холодном чулане, сало засаливалось впрок в деревянных ящиках и, отправленное с приходом теплых дней в подпол, могло держаться там хоть все лето, до очередного забоя очередной бедной хрюшки (ну что поделать, такова уж их судьба) на следующую зиму. Единственный, кто не употреблял свинину в нашей семье, была мама. Но она понимала, что трех пацанов, дочь и нашего отца, всегда занятого тяжелой физической работой в совхозе, надо было чем-то кормить. И хоть сама не ела свинину, но для нас готовила. Суп или борщ на свином мясе, правда, могла похлебать, но наливала его себе без мяса. Когда дома появлялась колбаса – а это случалось довольно редко, – мама не могла себе отказать в удовольствии полакомиться ей. Но всегда выковыривала из своих колбасных кружочков кусочки сала, во избежание, как она полагала, греха. И это нас забавляло: колбасная масса в любом случае содержала в себе какую-то долю свинины. Став взрослым и самостоятельным и, следовательно, получив возможность общаться с людьми не только из своей деревни, я видел, что свинину и сало с удовольствием едят и многие молодые казахи, хотя свиней при этом могли и не держать. А русские, в свою очередь, если попадали в гости к казахам, не чурались бесбармака из конины, вкуснейшей конской колбасы казы. И это правильно, это и есть взаимопроникновение национальных культур на основе обмена кухнями, это позволяет людям лучше узнавать и понимать друг друга. Я с уважением отношусь к людям, придерживающимся религиозных норм и правил и потому отказывающихся от не халяльной, не кошерной пищи – это их выбор, их образ жизни. Но и не осуждаю тех, кто, вопреки убеждениям далеких предков, стал употреблять в пищу то, что когда-то считалось запретным – времена-то меняются, условия жизни тоже, и то, что считалось когда-то догмой, становится простым пережитком, предубеждением. Как на мой взгляд, так есть можно все, что нравится, что хочется попробовать (я вон уже лягушек отведал, и крокодилятину, страусятину, и даже акулу жареную ел!). Главное, друзья мои – не «ешьте» себе подобных! Вот это грех из грехов, ничем не оправдываемый... Эх, куда меня занесло, однако! На чем же это я споткнулся и пустился затем в невнятные рассуждения? Ах, да! Перекусив бутербродами с салом, наша бригада затем с новыми силами вышла на тридцатиградусный мороз – встречать очередную порцию бетона и задорно, с шутками и прибаутками залила его в формы, накрыла гигантской железной крышкой запарочную камеру и успешно завершила свою смену. Хороший перекус – он любому делу великое подспорье!

ЕЛЕНА МЕЛЬНИЧЕНКО

Страх

Страх... Нет, не страх... Дикий ужас завладел всеми клеточками её тела. Завязался узлом где-то внизу живота и парализовал.

Широко распахнутыми от ужаса глазами она смотрела на чудовище, боясь пошевелиться. «Мамочки, какой монстр. Просто огромный! Что делать? Что мне делать? Бежать? Нет, нельзя поворачиваться к нему спиной. Он тогда может на меня прыгнуть и укусить. Не закрывай глаза, Марина, не теряй бдительность. Твои два глаза против его восьми... М-да, шансы не равны... Что же делать? Ой, мамочки! Он ко мне идёт! То есть, ползёт! На своих жутких восьми лапах!

Я сейчас в обморок грохнусь. Нельзя, Марина, держи себя в руках! Иначе будешь съедена этим чудовищем! Ноги не слушаются, руки трясутся. Что же делать? Что делать? Кричать? Точно! Надо на помощь позвать! Дима! Димка!»

Узел первобытного страха, добравшись до груди, обвился вокруг сердца, заставив его рваться из груди сильнее, затем медленно пополз к горлу, покрутился там немного, перехватывая дыхание и, наконец, развязался, высвобождая дикий крик.

– Ди-и-и-и-има-а-а-а-а-а!

Спотыкаясь о порог, Дима вылетел в коридор, ударился лбом о косяк.

– Ах, ты ж... Мариш, ты чего так орёшь?

– Димка! Он меня съесть хочет! – Марина юркнула за широкую спину мужа.

Маленький паучок заметался по коридору. Так и не найдя места, где можно было бы спрятаться от жуткого звука, вибрирующего во всех лапках, он забился в угол и стал готовиться к скорой смерти.

«Вот надо было мне выползти именно сейчас и именно сюда! Но я же не знал, что тут будет этот большой и громкий монстр! Бр-р-р, жуткий какой! Ну всё, сейчас меня прихлопнут. Прощай, моя любимая паутинка! Нам было хорошо вместе».

– Так, Мариш, иди в комнату, я разберусь с ним.

Марину не пришлось уговаривать. Она влетела в комнату, с разбегу запрыгнула на кресло и с головой накрылась пледом. Дима взял половую щётку, медленно подошёл к застывшему от ужаса паучку и осторожно замёл его на совок. Он вышел на улицу и стряхнул паучка на землю.

– Эк тебя угораздило к нам в квартиру попасть, бедолага. Беги, и больше к нам не забредай.

Паучок пристально посмотрел на Диму четырьмя парами глаз, развернулся и помчался со всех ног в подвал к своей любимой паутинке.

– Марина, можешь вылезать. Убил я твоего дракона.

Марина откинула плед, огляделась по сторонам, убеждаясь, что монстра больше нет. Она облегчённо вздохнула и улыбнулась.

– Ты мой рыцарь!

Увидев пульсирующую шишку на лбу мужа, она легонько коснулась её своими прохладными пальчиками.

– Больно?

– Ерунда! Шрамы, полученные во время спасения принцессы из лап дракона, лишь украшают рыцаря.

Марина обвила руками шею мужа, благодарно целуя его в щёку. И тут увидела его... Он тихонечко спускался на тонкой ниточке с потолка в поисках своего товарища.

– Ди-и-и-и-и-има-а-а-а-а-а-а!

Наша история

Наша память- это архив, при помощи которого мы можем отправляться в путешествие в собственное детство, яркие события в стране и не забывать о подвигах своего народа.

Наша группа открыта не только для поэтов, писателей и художников, но и историков.

Свое суждение о прошлом на Руси читайте в подготовленной для нас статьи известного в ВК и ФБ знатока истории Дмитрия Казакова

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

Понятие «честь» у русских дворян XVII века.

«Многие исследователи полагают, что понятие чести в русском обществе XVII в. сводилось лишь к понятию родовой чести, понятия же личной чести не существовало. Другие же считают, что понятие чести «проникало во все служилое сословье почти до самых его низов». Род и родители действительно играли немаловажную роль в положении на иерархической лестнице и, следовательно, степени «честности» того или иного лица. Само оскорбление служилого человека воспринималось как оскорбление его родителей и наоборот. В середине века при написании по выбору иногда требовалось подтверждение членов рода о принадлежности выборного именно к их роду. Так, в январе 1650 г. челобитную о написании по выбору подал новоторжец Пимен Савельев сын Орлов. Он писал о том, что служит рейтарскую службу с окладом в 350 четвертей, по дворовому списку служит 18 лет, «а родители мои, Белемишевы и Орловы, служат тебе, государю, в стольниках и в стряпчих и во дворянех по московскому списку». П. Орлов указывал на свою службу в Ливнах и Белгороде и строительстве Белгородской черты. На подлиннике челобитной имелись подписи Андрея Васильева сына Орлова, Федора Григорьева сына Орлова, Дмитрия Иванова сына Орлова, Бориса Иванова сына Орлова, которые свидетельствовали «в том, что он, Пимин, наш Орлов». Такие подтверждения, вероятно, стали требовать, поскольку поступали челобитные о проникновении в выбор неродовитых людей.

Особенно заботились о чистоте своих рядов новгородцы. В декабре 1642 г. новгородец Деревской пятины Н. Мещерский подал челобитную с жалобой на вновь поверстанных в 1641 г. по той же пятине Якима и Льва Аристовых, которые, по его мнению, ложно назвались детьми боярскими, утверждая, что дед их, Дмитрий Гурьев сын Аристов, служил по смоленскому списку. На самом же деле, как утверждал Мещерский, они были сыновьями крестьянина Аркажа монастыря Куземки (прозвище Собинки) Дмитриева и так и записаны в монастырских книгах. Мещерский требовал исключить их из списков («по их искони вечной кре-

стьянской природе») и назначить расследование, полагая, что они «искупили» себе запись в десятне в детях боярских, чтобы, как он полагал, «с родители своими твоей государевы службы не отбыть». В феврале 1643 г. из Разряда в Новгород была отправлена грамота по этому челобитью с предписанием «сыскать», действительно ли такой факт имел место. В 1643 г. челобитную аналогичного содержания подал новгородец Водской пятины Иван Колобов о вновь поверстанных в Новгороде детях псковского посадского человека Воина Бутырского, Федоте и Иване, которые с этой целью даже подделали текст новгородской десяти 114-го (1606) года и назвались детьми Воина Осеева. По этому поводу была подана и коллективная челобитная новгородцев. После проведения расследования в Разряде было решено вычеркнуть имена этих Осеевых из десяти и списков, о чем в августе 1643 г. также отправили грамоту новгородскому воеводе.

В 1678 г. воевода Великих Лук И. Нащокин излагал содержание присланного ему указа из Разряда: «велено... Новгородского полку городов у дворян и у детей боярских полковые службы и розных строев у нетчиков полку касимовского царевича Василья Араслановича с товарищи, которые по последнему смотренному списку... написаны в нетех, отнять чести, у выборных выбор, у дворовых дворовой, да у них же, выборных и у дворовых, убавить окладов...». Как видим, выборный и дворовый чины воспринимались как честь, а неупоминание их, или «прописка», – как бесчестие. Как бесчестье воспринималось и назначение (выбор) на ту или иную службу, например, в нарядчики или знаменщики не в соответствии с социальным положением. В 1638 г. новгородец Я. Зверовский жаловался на то, что его выбрали в нарядчики, а он имеет дворовый чин и никогда он в таких «позорных статьях» не был. Причиной такого выбора и недоброжелательства к себе Зверовский считал обычную зависть. Он был на службе под Смоленском, ранен в бою и взят в плен, где провел полтора года. По выходе из плена Зверовский был пожалован по дворовому списку и «поместным окладом». Теперь же его «семьями и заговорами по недружбе, которые з твоей государевы службы съехали ис под Смоленска, рняся тому, что я, холоп, за службишко пожалован, а они не пожалованы, и мимо, государь, прежних нарядчиков и знаменщиков выбирают во всякие позорные статьи». Отсутствие понимания в Новгороде заставило Зверовского даже переписаться по Владимиру, где у него было поместье.

Смоленская служба вообще породила много зависти и недоброжелательства в «городах». Вопросы о том, кто как вел себя под Смоленском, продолжали обсуждаться спустя уже годы. В июне 1638 г. приехавшие в Москву для отправки на береговую службу новгородцы, «подсмоленские осадничьи сидельцы» (11 чел.) подали челобитную с жалобой на новгородца же Степана Елизарьева сына Корсакова, который называл их изменниками, целовавшими крест польскому королю, в то время как они находились под Смоленском до отхода войск боярина М. Б. Шейна, до 19 февраля. Сам же Степан, писали они, уехал со службы из-под Смоленска раньше, «подговоря собою многую свою братью, а прожитком и животами он, Степан, у нас лутчей во всем городе». Таким образом, Корсаков не пожелал служить, имея для этого все экономические возможности, и не мог отговариваться тем, что уехал вследствие бедности. Челобитчики просили об очной ставке и допросе Степана, в чем заключается их измена, заметив при этом, что они приехали на службу в срок, в то время как Корсаков приехал после срока. Очная ставка и допрос состоялись в Разряде 15 июня. Корсаков сказал, что ему до «осадных сидельцев и дела нет», изменниками он их не называл, вражда же у него только с Иваном Судачковым, который его самого назвал изменником и хотел зарезать ножом. На это Корсаков заметил, что как он он может быть хуже тех, кто целовал крест польскому королю, что «на 2 месяца с ним не битца». Обе стороны ссылались на своих свидетелей. Чем закончилось дело, неиз-

вестно, вероятно, примирением сторон, однако в этом случае новгородцы защищали именно свою личную честь как участников Смоленской войны.

В коллективной челобитной с жалобой на боярина и воеводу С. А. Урусова 1656 г. дворяне и дети боярские обращали внимание на то, что боярин их бесчестит, называя «не слугами и не бойцами». Как бесчестье воспринимались, судя по содержанию челобитной, и наказание кнутом, плетью, ослопьем и батогами, во всяком случае, без вины. Самого же боярина дворяне в свою очередь бесчестили тем, что утверждали, что Урусов не носил оружия, а ездил с одной тростью и боялся пушечной стрельбы.

Отсутствие на службе или побег с нее могли стать основанием для оскорбления и бесчестия того или иного лица. В этом случае название «беглец» воспринималось именно как личное бесчестие. В январе 1666 г. из Пскова по челобитью был отпущен ротмистр рейтарского строя Панкратий Тимофеев сын Перский для женитьбы на сестре новоторжца Ивана Федорова сына Тыртова. Отпуск ему был дан на месяц, по 22 февраля 1666 г. Однако Перский задержался в отпуске до апреля, в связи с чем на него подал донос новоторжец Федор Романов сын Языков, назвав его «беглецом». Между ними произошла драка, однако затем, после того, как Языков узнал причину отсутствия Перского на службе, они помирились и принесли мировую челобитную. Таким образом, побег со службы или отсутствие на службе воспринимались как личное бесчестие и могли служить предметом серьезного разбирательства не только со стороны государственных органов, но и частных лиц.

Как бесчестие воспринималось иногда сотенными головами и назначение на службу с тем или иным воеводой, которого они считали «хуже» себя. В мае 1635 г., например, второй воевода полков, собиравшихся в Переяславле Рязанском, Дмитрий Остафьев, жаловался на сотенных голов рязанцев П. Н. Лихарева, Д. А. Таптыкова и А. Ф. Сатина, которые, получив сотенные списки из рук воеводы Д. П. Львова, отказались возглавить сотни, так как посчитали для себя зазорным служить под руководством Остафьева. Они «лаяли» его в съезжей избе, называя «хуже себя», хотя сами должны были служить не в его полку, а в полку Львова. Кроме того, упомянутые дворяне рязанцы собирались подать челобитную с жалобой на Остафьева и для этого обратились, как он писал, к родовитым людям, Чевкиным, Волконским, Кобяковым и другим, надеясь заручиться их поддержкой. В полку товарища первого воеводы кн. Д. П. Львова отказались служить в 1645 г. воротынцы Гаврила, Матвей и Павел Тургеневы и просили даже отпустить одного из них к Москве «побить челом», потому что «преже... мы, холопи твои, с большими воеводы бывали, с товарищами не бывали». Частыми были и отказы служить в том или ином полку или даже половине «города» вследствие «недружбы». Так, в 1645 г. выборный арзамасец Никита Емельянов сын Григоров, служивший ранее 19 лет в «житье» и написанный по Арзамасу по выбору всего год назад, просил написать его на службу в первую половину, поскольку в другой половине «арзамасцы дворяне есть мне недруги, с Семеном Исуповым сошлась у меня недружба, а за Григорьем, государь, Нетесевым, живут беглые мои крестьянишка, и о тех, государь, беглых моих крестьянишках есть мое на нево челобитье. И за то, государь, они меня, холопа твоего, бессемейнова хотят напрасно затеснить». 4 февраля 1645 г. эта просьба была удовлетворена. Поддержка семьи и родственников, как видим, и на службе значила очень много, служить предпочитали в семейном окружении.

Бесчестием считались и ругательства в адрес конкретного лица. В 1635 г. муромец Иван Григорьев сын Лупандин подал челобитную на муромца же Никифора Петрова сына Дурасова, которого называл своим «кашехлепцем», то есть приятелем, часто бывавшим у него в доме. На пути со службы из Одоева домой Лупандин доверил Дурасову сумки с товарами, куплен-

ными в Москве: ткань (киндяк), ценой в полтора рубля, шапка мужская такой же цены и шапка женская атласная, ценой три рубля. Дурасов «прислал... из двора ко мне сумки порожние, а тое рухледи не отдал... учал меня лаять всякою неподобною лаею...». Лупандин просил дать суд на Дурасова в бесчестье. По поводу нанесенного бесчестья предпочитали обращаться в суд, а не пытаться искать удовлетворения с помощью оружия, что было связано прежде всего с запретом церковью поединков и боязнию умереть без покаяния.»

Цитируется по: Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке.

Фэнтези, мистика и фантастика.

Наверное данные направления самые популярные среди читателей и тут в группе, в коей среди авторов этих жанров идет ожесточенная борьба за приз конкурса «Кубок Ефремова» мы представим вам три различные работы; Это славянское фэнтези «Стеклянные глаза» художника и мистика нашей группы Никиты Маргарян, далее предложим переместиться из прошлого в далекое будущее с фантастическим рассказом Сергея Ходосевича и прочитайте отрывок из повести в стиле фэнтези Елены Мельниченко, полностью которую можно будет увидеть в наших осенних коллективных сборниках уже в конце октября) начале ноября.

Стеклянные глаза НИКИТА МАРГАРЯН

Ян пустил тупой взгляд по окружавшим его каменным стенам. Стены ответили тем же. Он уже как час проснулся и должен был идти на работу, но это у него не выходило.

Проснулся он не в своей квартире, а на полу незнакомой пустой комнаты с высокими потолками и четырьмя дверьми. За дверями Ян не обнаружил ничего кроме голых стен. Каменные блоки украшались готическими факелами. У Яна создавалось впечатление, что он попал в комнату какого-то замка. Паника, словно новый жилец, въехала к нему в голову и начала все переворачивать. Мысли «Что мне делать?», «Как я сюда попал?», «Как я сюда вообще мог попасть?» и «Не мешало бы связаться с начальником, сказать, что не приду по причине болезни» не покидали его ум.

Мышление – процесс трудоемкий, и пока ни к чему хорошему это самое мышление Яна не привело. Поэтому Ян решил не отягощать свою голову мыслями. Он сел на месте и стал ждать. Однако мысль про начальника его не покидала и начала бороться с целой армией мыслей о еде.

Одна из дверей открылась. За ней была уже не голая стена, а проход в другую комнату. Удивление Яна на секунду остановило все мысленные войны и вальяжно уселось на лице. «Надо спешить, нужно догнать человека, открывшего дверь.» Ян бросился исследовать проход. За коротким проходом ждала такая же комната, как и первая, только по середине стоял большой стол с жареным кабаном и кувшином пива. Стол подстать замку – часть средневекового антуража.

«Как тут проход образовался? Зачем я вам?» – выкрикнул Ян из прохода и вошел в комнату. Убедившись еще раз, что там никого нет, вновь крикнул «Эй, покажись!». Дверь за его спиной захлопнулась. Когда Ян открыл ее, обнаружил голую стену. «Шустро они перекрыли проход. Только кто „они“?» – Ян негодовал по поводу своего положения. Место начало его раздражать. Не долго самокопаясь, он побежал есть кабана.

У Яна не было врагов, готовых купить замок, чтобы так над ним поиздеваться. У него вообще не было знакомых, достаточно богатых, чтоб хотя бы дачу себе купить. Ян жил жизнью секретаря неизвестной конторы, со средней зарплатой, даже чуть ниже, небольшой квартирой на окраине Москвы, карточным долгом и огромной озлобленностью на свою жизнь по причине полного недовольства ею. Он не любил жизнь, боялся смерти и каждый раз, отходя

ко сну размышлял о том откуда все несчастья его берутся. Женщины его не особо любили. Семья состояла из живущей с ним мамы, и девушки, непонятно откуда взявшейся. Да и нужна Яну девушка, чтобы не чувствовать себя совсем уж несчастным.

Впрочем он даже был рад, что впервые за много месяцев смог вдоволь поесть жирного мяса. Настолько богатого жирами и белками, что, поев, Ян захотел спать. С мыслями о заговорах, похищениях и правительственных экспериментах, которые были частыми гостями в его голове, он заснул.

Спать на полу было неудобно, Ян быстро проснулся, протер глаза и уставился на открывшуюся дверь, за которой был проход в комнату с кроватью. Ян рывком кинулся догонять открывшего дверь, но комната оказалась пуста. Дверь, через которую он вышел, закрылась, на этот раз тихо.

«Значит двери закрываются и открываются дистанционно, " – негодование и раздражение ушло. Пот под одеждой раздражал и заставлял его негодовать теперь больше. Ему захотелось смыть грязь. Открылась дверь. За ней была ванная. Ян начал чувствовать себя подопытным животным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.